

Сэмюэль Хантингтон
Консерватизм как идеология
[Samuel P. Huntington
*Conservatism As An Ideology // The American Political Science
Review. Vol. 51 (June 1957). P. 454–473*]

Первая публикация на русском языке статьи выдающегося американского политического теоретика и философа Сэмюэля Хантингтона (1927–2008) – событие, которое наверняка не будет обойдено вниманием как специалистов в области теории идеологии (теории консерватизма прежде всего), так и более широкого круга читателей, интересующихся политической наукой и политикой. Имя мэтра, прославленного такими книгами, как «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968), «Третья волна: демократизация в конце двадцатого столетия» (1991) и, в особенности, «Столкновение цивилизаций и передел миропорядка» (1996), уже обязывает к ее прочтению, гарантируя образцовое научное качество и оригинальность.

Тем не менее у читателя могут возникнуть вопросы: почему статья, впервые опубликованная еще в 1957 году, сразу не сделала имя ее автору (подобно тому, как это случилось в 1993-м после статьи «Столкновение цивилизаций»)? И насколько она остается актуальной сегодня?

Ответ на первый вопрос заключается в том, что парадоксальный, но фундаментально обоснованный тезис Хантингтона, согласно которому подлинными консерваторами в США могут и обязаны быть только либералы, – не удовлетворил ни тех, ни других. Ответ на второй вопрос видится таким. Количество публикаций о консерватизме вообще и об отечественном в особенности в последнее десятилетие растет неуклонно. Повышается и общественный интерес к консервативной проблематике и консервативным фигурам в нашей истории. Именно сегодня хантингтоновская методология анализа консерватизма поможет очередным исследованиям в этой области выйти на новый уровень. С ней можно не соглашаться, но обойти ее без серьезного критического рассмотрения невозможно.

Как невозможна была бы публикация этой статьи без специально предоставленного нам права на это Американской ассоциацией политической науки (APSA) в лице директора отдела публикаций Барбары Уолтхолл (Barbara Walthall). За что редакционный совет выражает ей глубокую признательность.

Перевод выполнен А.А. Закутиным под редакцией Л.В. Полякова.

Консерватизм как идеология*

Существует ли сегодня в Америке консервативная политическая мысль? Ответ на этот вопрос зависит от понимания общей природы консерватизма как идеологии: ее отличительных характеристик, ее содержания, а также условий, при которых она возникает. Под идеологией я понимаю систему идей, имеющую отношение к распределению политических и социальных ценностей, разделяемых многочисленной социальной группой¹. Интерпретации роли и значимости современной консервативной мысли существенно различаются. В основе дискуссии тем не менее находятся три распространенных и конфликтующих представления о природе консерватизма как идеологии. В этом эссе будут в сравнении рассмотрены достоинства данных подходов.

I. Теории консерватизма

Первая – *аристократическая* теория, которая определяет консерватизм как идеологию одного конкретного и уникального исторического движения: реакцию феодально-аграрного класса аристократии на Французскую революцию, либерализм, подъем буржуазии в конце восемнадцатого века и в течение первой половины девятнадцатого столетия. По словам Мангейма, современный консерватизм является «функцией одной конкретной исторической и социологической ситуации»². Либерализм – это идеология буржуазии, социализм и марксизм – идеологии пролетариата, а консерватизм – идеология аристократии. Консерватизм, таким образом, оказывается неразрывно связан с феодализмом, статусом, старым режимом, землевладельческими интересами, средневековьем и нобилитетом; эта идеология непримиримо противостоит среднему классу, труду, торгашескому духу, индустриализму, демократии, либерализму и индивидуализму. Подобная концепция консерватизма пользуется популярностью среди критиков «Нового консерватизма». По причине того, что

¹ В данном эссе рассматривается исключительно консервативная теория. Оно не связано с консервативными инстинктами, взглядами, политическими партиями или государственной политикой. Для понимания спектра значений идеологии см. Karl Mannheim, "Ideology and Utopia" (New York, 1949), p. 49 и далее, Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Brzezinski, "Totalitarian Dictatorship and Autocracy" (Cambridge, 1956), p. 71 и далее.

² Karl Mannheim, "Conservative Thought", Essays on Sociology and Social Psychology, ed. Paul Kecskemeti (New York, 1953), p. 98–99. О современном использовании аристократического определения с отсылкой к «Новому консерватизму» см. Arthur M. Schlesinger, Jr., "The New Conservatism in America: A Liberal Comment", Confluence, vol. 2, p. 61–71 (December 1953) и "The New Conservatism: Politics of Nostalgia", Reporter, vol. 12, p. 9–12 (June 16, 1955); Bernard Crick, "The Strange Quest for an American Conservatism", Review of Politics, vol. 17, p. 361–363 (July 1955); Gordon K. Lewis, "The Metaphysics of Conservatism", Western Political Quarterly, vol. 6, p. 731–732 (December 1953).

* Samuel P. Huntington, "Conservatism As An Ideology", The American Political Science Review, vol. 51 (June 1957), p. 454–473.

Хантингтон, Сэмюэль Филлиппс (1927–2008), Гарвардский университет.

в США, как блестяще продемонстрировал Луис Харц, отсутствует феодальная традиция. Следовательно, усилия интеллектуалов и публицистов, направленные на пропаганду консервативных идей среди среднего класса Америки, должны быть обречены на провал.

Второе – это *автономное* определение консерватизма, которое говорит о том, что консерватизм не обязательно связан с интересами какой-либо конкретной группы. Его появление не зависит от какой-то определенной исторической конфигурации социальных сил. Консерватизм – это автономная система идей, которые являются общезначимыми. Данная система определяется в терминах универсальных ценностей, таких как справедливость, порядок, баланс, умеренность. Разделяет ли конкретный индивид эти ценности, преимущественно зависит не от его социального статуса, но от его личной способности увидеть заключенную в них истинность и желательность. Консерватизм в этом смысле является, как отмечал Рассел Кёрк, просто вопросом «воли и понятливости»; принципы консерватизма «не ограничиваются интересами одного отдельного класса», консерваторами могут быть представители «всех классов и профессий...»¹. Эта теория консерватизма, очевидно, популярна среди Новых консерваторов. Она подразумевает не только то, что консерватизм актуален и желателен в современной Америке, но и то, что он является наиболее предпочтительной политической философией при любых исторических обстоятельствах.

Третье – это *ситуационное* определение консерватизма, в котором он рассматривается в качестве идеологии, возникающей при особых, но повторяющихся исторических ситуациях, когда существует фундаментальная угроза устоявшимся институтам и при которых сторонники данных институтов используют консервативную идеологию в качестве защиты². Таким образом, консерватизм здесь является системой идей, направленной на оправдание любого установленного общественного порядка, независимо от того, где и когда он существует, она выступает против любых фундаментальных угроз его бытию и природе, от какой бы стороны они ни исходили. Суть консерватизма состоит в страстном утверждении ценности существующих институтов. Это не означает, что консерватизм выступает против любых изменений. Действительно, для того чтобы сохранить основные элементы общества, порой необходимо согласиться на изменения во второстепенных вопросах. Ни один человек не может поддерживать консервативную идеологию, если он не удовлетворен установленным порядком всецело и не нацелен на его защиту перед лицом любой серьезной угрозы. Консерватизм в этом смысле возможен в Соединенных Штатах только при условии наличия серьезного вызова существующим американским институтам, который побудил бы защитников этих институтов провозглашать консервативные ценности.

Теперь было бы правомерно задать вопрос: чего можно достигнуть путем сопоставления определений? Не являются ли все определения по своему существу произвольными? Каким образом продемонстрировать превосходство одного над другим? Подобные вопросы были бы уместными, если бы среди конфликтующих теорий не существовало общих оснований. Но это не работает в случае с тремя определениями консерватизма. Они отличаются лишь в

¹ Russell Kirk, "A Program for Conservatives" (Chicago, 1954), p. 22, 38–39; Peter Viereck, "Conservatism Revisited" (New York, 1949), p. 9.

² См. Clinton Rossiter, "Conservatism in America" (New York, 1955), p. 9; Francis G. Wilson, "A Theory of Conservatism", this Review, vol. 35, p. 39–40 (February 1941); Raymond English, "Conservatism: The Forbidden Faith", American Scholar, vol. 21, p. 399–401 (October 1952); Arthur M. Schlesinger, Jr., "Conservative vs. Liberal – A Debate", New York Times Magazine, March 4, 1956, p. 11 и далее.

том, как консервативная идеология соотносится с историческим процессом. Аристократическое определение ограничивает консерватизм рамками определенного социального класса в конкретном обществе. Автономное определение допускает появление консерватизма в любой исторический момент. Ситуационное определение утверждает, что консерватизм появляется тогда, когда бросающие вызов и обороняющиеся социальные группы находятся в определенном отношении друг к другу. И все три подхода единодушны в том, что составляет сущность консерватизма как идеологии, – в ценностных установках и идеях, в которые верят консерваторы. Рассел Кёрк, например, критикует Артура Шлезингера-младшего за отождествление консерватизма и феодализма, но он в целом соглашается с тем, как Шлезингер определяет сущностное содержание консервативной идеологии¹.

Более того, все исследователи консерватизма едины в провозглашении Эдмунда Бёрка консервативным архетипом и в утверждении, что основные элементы его философии являются определяющими компонентами консерватизма. Эти области консенсуса позволяют дать обоснованную оценку трем определениям. Историческую функцию консерватизма необходимо вывести из самой его природы. Предпочсть же стоит ту теорию консерватизма, которая наиболее адекватно и полно способна объяснить проявления бёрковской идеологии в различные моменты истории. Основной тезис этой статьи состоит в том, что ситуационная теория в наибольшей степени соответствует данному критерию.

II. Идеационные и институциональные идеологии: отсутствие консервативного идеала

Среди авторов, принимающих все три определения консерватизма, существует определенное соглашение о существовании основных компонент консервативной мысли, в качестве которых выступают основные элементы теории Бёрка.

(1) Человек по своей сути животное религиозное, и религия является основой гражданского общества. Божественная санкция пронизывает существующий законный социальный порядок.

(2) Общество является естественным, органичным продуктом медленного исторического развития. Существующие институты воплощают мудрость предыдущих поколений. Право является функцией времени. «Право давности», по словам Бёрка, «является самым веским из всех правооснований».

(3) Человек есть существо, сотканное из инстинктов и эмоций, равно как и из разума. Благоразумие, предрассудок, опыт и привычки являются лучшими путеводителями, нежели разум, логика, абстракции и метафизика. Истина существует не в виде универсальных положений, но в конкретном опыте.

(4) Сообщество важнее индивида. Права людей проистекают из их обязанностей. Зло коренится в человеческой природе, а не в каких-либо конкретных социальных институтах.

(5) Отвлекаясь от конечного морального чувства, нужно признать, что люди не равны. Социальная организация является сложной и всегда включает в себя множество классов, разрядов и групп. Дифференциация, иерархия и лидерство являются неотъемлемыми характеристиками любого гражданского общества.

¹ См. Kirk, ранее цит. произведение, р. 37, и сравните, как Шлезингер резюмирует консервативные концепты: *Confluence*, vol. 2, р. 64–65, с изложением, которое дает Кёрк: “The Conservative Mind” (Chicago, 1953), р. 3–10. См. также далее, сноска 1 на с. 244.

(6) Существует презумпция «какой-либо устоявшейся схемы управления, против любого неиспытанного проекта». Людские надежды велики, но их прозорливость мала. Усилия, направленные на устранение существующих зол, как правило, приводят к еще большему злу.

Допуская, что перечисленные утверждения справедливо резюмируют и раскрывают консервативные идеи, что они говорят нам о преимуществах аристократической, автономной, и ситуационной теории? Ни один из этих консервативных принципов не сводится исключительно к феодально-аристократической реакции. Разумеется, идеология подчеркивает неизбежность существования классов и лидерства в обществе, но она не утверждает какую-либо определенную форму общественной организации или источник власти. Нет в идеологии и ничего такого, что указывало бы на склонность к аграрному обществу, феодальной системе землевладения, монархии или титулованной аристократии. Аналогичным образом не может считаться адекватной и автономная теория, поскольку консервативной идеологии не хватает широты охвата и вселенского воззвания идеологии универсальной и непреходящей значимости. В действительности консерватизм сам подчеркивает специфическую природу истины и предупреждает об опасности излишне общих принципов. Очевидно, что данная идеология не обращается к кому-либо, кто был бы недоволен существующим порядком. Иными словами, аристократическое определение не годится из-за отсутствия необходимой связи между аристократией или феодализмом, с одной стороны, и консерватизмом – с другой: неаристократ может быть приверженцем консервативной идеологии; аристократ может быть приверженцем неконсервативных идеологий.

Автономное определение оказывается несостоятельным, потому что появление консерватизма в определенные моменты истории – это не вопрос случайности. В аристократическом определении консерватизм сводится к слишком узкому сегменту общественного процесса. Автономное определение, напротив, слишком радикально лишает консерватизм какой бы то ни было связи с социальным процессом. Характерные элементы консервативной мысли: «божественная тактика» в истории; право давности и традиция; неприятие абстракции и метафизики; недоверие к индивидуальному человеческому разуму; органическая концепция общества; акцент на неизбежной порочности человека; принятие социальной дифференциации – все выше перечисленное служит важнейшей цели оправдания устоявшегося порядка. Сущность консерватизма состоит в обосновании существующих институтов с точки зрения истории, Бога, природы и человека.

Пригодность консервативной идеологии для обоснования любого существующего порядка доказывается приведенным выше кратким изложением принципов Бёрка. Нигде в этом изложении нет четких указаний на характер институтов, на защиту которых могут быть направлены эти идеи. В этом отношении консерватизм отличается от всех прочих идеологий, кроме радикализма: ему не хватает того, что можно было бы назвать сущностным идеалом. Большинство идеологий постулируют некоторое видение того, как должно быть организовано политическое общество. Слова «либерализм», «демократия», «коммунизм», «фашизм» определенным образом намекают на то, каким образом должно осуществляться распределение власти и других ценностей в обществе, какова значимость государства и других социальных институтов, каковы отношения между экономическими, политическими и военными структурами, как выглядит общая система правительства и представительства, каковы формы исполнительной и законодательной власти. Но каковы политические воззрения консерватизма? Можно ли описать консервативное общество? Напротив, суть консерватизма в том, что он буквально, по выражению Мюленфельда, представляет собой “Politik ohne Wunschbilder” [«политику без идеалов». – *Примеч. перев.*].

Можно утверждать, например, что португальская политическая система ближе к авторитарному идеалу, нежели британская и американская, что британская система ближе к социалистическому идеалу, нежели португальская и американская, что американская система ближе к демократическому идеалу, нежели португальская и британская, и что все три системы далеки от коммунистического идеала. Но какая из трех систем наиболее близка к консервативному идеалу? Португалия? Великобритания? Соединенные Штаты? Ответ невозможен, потому что консервативный идеал в качестве стандарта или критерия не существует. Нет политического философа, описавшего консервативную утопию. В любом обществе могут быть институты, которые можно сохранять, но никогда не будет именно консервативных институтов. Отсутствие консервативного идеала неизбежно подрывает позиции автономного определения консерватизма.

Идеалы неконсервативных идеологий меняются от мыслителя к мыслителю и от поколения к поколению, но все их отличает одно и то же: первостепенное значение приобретают теоретические формулировки, и оценка существующей реальности осуществляется в терминах этих формулировок. Неконсервативные идеологии, таким образом, по своей природе *идеационны* или *трансцендентны*, в то время как консерватизм институционален или имманентен. Все общепринятые идеационные идеологии современного западного общества подходят к существующим институтам с позиций «требования должного», – чтобы институты были реорганизованы, с тем чтобы соответствовать ценностям идеологии. В этом смысле все *идеационные* теории подразумевают некоторую степень радикализма, а именно, критику существующих институтов. Чем больше разрыв между существующей институциональной реальностью и идеалом неконсервативной идеологии, тем более радикальна идеология в своем отношении к этой реальности. Радикализм, таким образом, являет собой противоположность консерватизму, но, как и консерватизм, он скорее подразумевает определенное отношение к институтам, нежели веру в какие-то конкретные идеалы. Консерватизм и радикализм проистекают из определенной позиции по отношению к самому процессу изменений, а не к цели и направлению этих изменений.

Консервативная идеология представляет собой продукт напряженного идеологического и социального конфликта. Она появляется только тогда, когда противники существующих институтов отвергают основы идеационной теории, в рамках которой эти институты были созданы. Если эти противники не ставят под сомнение базовые ценности господствующей философии, противостояние между теми, кто выступает за институциональные изменения, и теми, кто выступает против них, протекает в рамках общепринятой идеационной философии. Каждая группа пытается показать, что ее политика в большей степени соответствует главным идеалам, чем у другой группы. Например, после гражданской войны в Америке конфликт между американскими вигами и американскими демократами разворачивался, как это продемонстрировал Харц, в границах общей рамки локковских ценностей. Консенсус стал препятствием для консерватизма.

Когда противники системы в корне не согласны с идеологией существующего общества и утверждают принципиально иную систему ценностей, общая рамка для дискуссии оказывается разрушена. Отрицание противниками системы господствующей идеологии заставляет отказаться от нее и ее защитников. Никакая идеационная теория не может быть продуктивно использована для защиты устоявшихся институтов, даже если эти институты в целом соответствуют ценностям данной идеологии. Совершенная природа «идеологического идеала» и несовершенная природа институтов вкуче с их неизбежной мутацией создают разрыв между этими двумя сторонами. Идеал становится тем мериллом, по

которому судят институты, осложняя жизнь тем, кто верит в этот идеал и все же по-прежнему желает институты защитить¹. В конце концов защитники сталкиваются с неизбежным выбором: либо они должны отказаться от своей идеологии, для того чтобы защитить свои институты, заменив прежнюю идеационную теорию на консерватизм, либо они должны остаться верны своей идеационной теории, рискуя поспособствовать дальнейшему разрушению тех институтов, которые по большей части отражают их идеалы. Защита любого набора институтов в условиях серьезной угрозы, следовательно, должна быть сформулирована в терминах консервативной логики, неприкосновенности и необходимости институтов как таковых, независимо от того, в какой степени они соответствуют предписаниям той или иной идеационной философии².

Бросающие вызов социальные силы должны представлять явную и непосредственную опасность для институтов. Само по себе провозглашение диссидентской идеологии не способствует возникновению консерватизма до тех пор, пока данная идеология не получит поддержку многочисленных социальных групп. *Философы* середины восемнадцатого века не вызвали к жизни никакой консервативной идеологии; а вот события 1789 и последующих годов как раз сделали это. Консерватизм, по словам Мангейма, «впервые становится сознательным и рефлексивным, когда иные способы жизни и мышления выйдут на сцену – в идеологическом сражении против них он вынужден брать за оружие»³. Если защитники установившегося порядка окажутся успешны, со временем они всё меньше провозглашают консервативную идеологию, а на смену ей приходит новая версия их старой идеационной теории. Если же их оборона терпит поражение, они отказываются либо от старых идеационных предпосылок, либо от своей новой консервативной идеологии. Если у них обнаружива-

¹ Следовательно, любая теория естественного права как набор трансцендентных и универсальных моральных принципов по существу своему не является консервативной. Мангейм, соответственно, совершенно прав, говоря о том, что противопоставление естественному праву является отличительной характеристикой консерватизма – цит. произведение, р. 116–119. Об отрицании Бёрком естественного права см.: Alfred Cobban, “Edmund Burke and the Revolt against the Eighteenth Century” (London, 1929), р. 40 ff., 75, и Leo Strauss, “Natural Right and History” (Chicago, 1953), р. 13–14, 318–319, которые заявляют, что Бёрк отличался от предыдущих мыслителей как раз в том, что он не оценивал британское устройство мерками, его превосходящими. В попытках современных публицистов, таких как Рассел Кёрк, выглядеть консерваторами, в то же время поддерживая универсальные законы естественного права, существует явное противоречие.

² Поскольку консерватизм служит идеологическим оправданием устоявшихся социальных и политических институтов, осуществление консервативной защиты сплошного хаоса или общества в состоянии непрерывных стремительных революционных изменений было бы невозможным, за исключением разве что для человека столь пророчного, хитрого, столь сильного, чтобы быть уверенным в своих способностях несмотря на положение вне закона. Отсюда встает вопрос о возможностях консерватизма в современном тоталитарном государстве. Если тоталитарное общество представляет собой, как в описании Францем Ньюманом нацистской Германии, «не государство, а хаос, царство беззакония и анархии», консервативная защита такого общества немислима. С другой стороны, если тоталитарный режим, находясь под угрозой, провозглашает теорию, которая отличается рядом консервативных элементов, это уже само по себе подтверждает, что такое общество уже «остепенилось» и более не находится в состоянии бесконечной революции. Ответ на этот общий вопрос, очевидно, зависит скорее от природы тоталитаризма, нежели от природы консерватизма. См. Carl J. Friedrich (ed.), “Totalitarianism” (Cambridge, 1954); Hannah Arendt, “Ideology and Terror: A Novel Form of Government”, *Review of Politics*, vol. 15, p. 303–327 (July 1953); Franz Neumann, “Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism” (New York, 1942); Zbigniew K. Brzezinski, “Totalitarianism and Rationality”, *this Review*, vol. 50, p. 751 (September 1956).

³ Ранее цит. произведение, р. 115.

ется склонность к тому, чтобы стать подлинными консерваторами, они примут новый порядок как неизбежный поворот судьбы. Бёрк, Бональд и де Местр, например, все в той или иной мере считали, что победа Французской революции могла быть predeterminedена Провидением, и как только это стало очевидным, решение противостоять ей «было бы не решительным и твердым, но строптивым и упрямым»¹.

С другой стороны, неудачливый консерватор, который остается приверженцем своей старой идеационной философии, становится реакционером, то есть критиком существующего общества, желающим воссоздать в будущем идеал, который, по его мнению, процветал в прошлом. Он является радикалом. Не существует значительной разницы между «изменением во имя прошлого» и «изменением во имя будущего». Изменения есть изменения; история не отступает и не повторяется; и любые изменения подразумевают уход от статус-кво. С течением времени реакционный идеал оказывается все менее связанным с каким-либо конкретным обществом прошлого. Прошлое романтизируется, и в конце концов реакция приходит к тому, чтобы поддерживать возвращение к идеализируемому «Золотому веку», который никогда не существовал в действительности. Реакционера становится не отличить от прочих радикалов, и он, как правило, воплощает все отличительные особенности радикальной психологии.

Природа консерватизма как институциональной идеологии исключает какое-либо неизменное и неотъемлемое согласие либо противостояние между ним и любой конкретной идеационной идеологией. Таким образом, не существует непрременной дихотомии между консерватизмом и либерализмом. Предположение о том, что такая оппозиция действительно существует, проистекает, несомненно, из аристократической теории консерватизма и отражает сосредоточенность на определенном этапе западной истории на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Попытка возвести эти эфемерные отношения в статус продолжительного явления политической истории лишь затемняет тот факт, что при соответствующих исторических обстоятельствах консерватизм может оказаться необходим для защиты тех же самых либеральных институтов. Истинный враг консерватизма – не либерал, но ультрарадикал, независимо от того, какой идеационной теории он следует. Различные радикалы продвигают различные панацеи, но для всех характерна единая психология, которую консервативные мыслители незамедлительно сумели обнаружить. Хукеровский пуританин шестнадцатого века, «самонадеянный человек» Меттерниха, «метафизический писака» Бёрка, Холлингсворт Готорна, «самопоклоняющийся человек» Кортеса, хофферовский «истинно верующий» двадцатого столетия – все они суть одно.

Различие между консерватизмом и идеационными идеологиями привело некоторых неконсерваторов к отрицанию интеллектуального наполнения консерватизма, параллельно подтолкнув некоторых консерваторов к атакам на все существующие идеологии. Однако и критики, и защитники консерватизма не правы, когда они умаляют его интеллектуальную значимость. Консерватизм служит интеллектуальным обоснованием неизменных институциональных условий человеческого существования. Он выполняет важную и необходимую функцию. Это разумная защита бытия от ума, порядка от хаоса. Когда основы общества находятся под угрозой, консервативная идеология напоминает людям о необходимости определенных институтов и желательности тех, что уже существуют.

¹ См. известное замечание Бональда: «Когда Бог захотел наказать Францию, он отнял власть у Бурбонов». *“Pensées sur Divers Sujets”, Oeuvres (Paris, 1817), vol. 6, p. 172.* Также: Joseph de Maistre, *“Considerations sur la France”, Oeuvres (Bruxelles, 1838), vol. 7, ch. 1, 2;* также рассуждения Штраусса о Бёрке, ранее цит. произведение, p. 317–319.

Не все идеологии должны быть идеационными. Теория консерватизма иного порядка, ее цели отличаются от тех, что разделяют другие общепринятые политические теории, но при этом она все-таки является теорией. Консерватизм – это не просто отсутствие изменений. Это четко сформулированное, систематическое, теоретическое сопротивление изменениям.

III. Внутренне укорененные и позиционные идеологии: отсутствие консервативной традиции

Большинство авторов согласны, как это подразумевается и нами, что Бёрка по праву называют консерватором. Отсюда встает вопрос: стоит ли рассматривать Бёрка как сторонника феодального аристократического порядка, провозглашающего универсально значимые ценности и идеалы, либо же защитника устоявшихся институтов? Ярлык аристократа оказывается непригодным для объяснения идей Бёрка по ряду причин: 1) английское общество, которое защищает Бёрк, не являлось ни преимущественно феодальным, ни исключительно аристократическим; 2) Бёрк выступал в защиту и других устоявшихся обществ, в особенности в Индии и Америке; 3) поскольку у Бёрка имелись представления о желательной организации общества, он был либералом, вигом, сторонником свободной торговли. Автономное определение также не полностью объясняет Бёрка, поскольку: 1) предметом политических трудов и выступлений Бёрка всегда были актуальные проблемы и вызовы; 2) он отрицал желательность и возможность создания моральной или политической философии, которая была бы применима повсеместно; 3) ключевые элементы его политических размышлений релевантны лишь для решения конкретной задачи оправдания устоявшихся институтов.

На континенте в начале девятнадцатого века идеи Бёрка привлекали для защиты аристократии и феодализма от набирающего силу среднего класса. Между тем, английское общество и английская конституция, о которых писал Бёрк, значительно отличались от континентальных образцов. Факт того, что идеи мыслителя могли быть с успехом использованы для оправдания устоявшегося порядка на разных территориях, говорит не о сходстве ситуации в Англии и на континенте, а о широкой применимости философии Бёрка. Согласно остроумной эпиграмме Луиса Харца, «В Америке Бёрк равняется Локк». И это в достаточной степени верно, но верно это и в отношении Англии. Бёрк защищал английское общественное устройство своего времени прежде всего от попыток Георга III вновь закрепить влияние Короны на Парламент, а также от попыток демократов расширить контроль населения над Парламентом. Он был консерватором, поскольку сто лет спустя после Локка он все еще пытался защищать институты 1689 года. Будучи поборником смешанного правления, он писал о том, что полон решимости «поддерживать устоявшуюся Церковь, устоявшуюся монархию, устоявшуюся аристократию, а также устоявшуюся демократию – причем каждый из этих институтов в том виде, как он существует, – и не более того»¹. Бёрк осознавал, что народ играл важную, хотя и ограниченную роль в английской системе². Принимая аристократию как неотъемлемый и необходимый элемент британского устройства, он между тем не обнаруживал к ней особенного пристрастия. Не будучи человеком знатного происхождения, он неоднократно претерпевал на себе аристократическое презрение со стороны великих лордов, которые склонны были воспринимать его как «ирландского авантюри-

¹ “Reflections on the Revolution in France”, Works (Boston, 1865), vol. 3, p. 352.

² См., например, “Thoughts on the Cause of the Present Discontents”, Works, vol. 1, p. 436, 440–441, 469, 472–474, 491–493, 508.

ста». Подобно Джефферсону и Адамсу, Бёрк был сторонником «естественной», а не искусственной аристократии¹.

Социальный порядок, поборником которого являлся Бёрк, был в значительной степени торговым, а также становился все более промышленным. На восемнадцатый век пришлось подъем Банка Англии, Компании Южных морей, акционерных обществ, расширение судоходства и торговли, накопление коммерческой прибыли и индустриальных капиталов, гонка промышленных изобретений, а также устойчивый рост мануфактурного производства. Торговля была «фактором номер один» в Англии восемнадцатого века². Изумление Вольтера в связи с тем, что важный английский джентльмен не находит занятия торговлей зазорным, было одним из многих свидетельств тех различий, которые существовали между английским и континентальным обществом. За тридцать лет до того, как Бёрк приехал в Лондон в 1750 году, развитие промышленности уже было выбрано в качестве главной цели английского правительства. К 1790 году, когда Бёрк, в соответствии с аристократической теорией консерватизма, выступал в защиту феодального корпоративного порядка, промышленная революция шла в Англии уже целое поколение. Вызывало ли развитие торговли и промышленности неприязнь у Бёрка? Желал ли он возвращения феодально-аграрного устройства? Во все нет. Для Бёрка, отмечает Нэмир, «торговля была душой империи». Ещё в 1770 году Бёрк вполне недвусмысленно обозначил свою позицию: «Невозможно вообразить существование землевладельческого интереса в отсутствие торгового интереса. ...*Обратите свою землю в рынок*»³. Является ли это высказывание советом от поборника феодализма? Спустя шесть лет Бёрк превозносил до небес книгу «Благосостояние наций», которая в точности отражала его собственные взгляды на экономику, «за проницательность и дальновидность, широту взглядов, уместные разделения, обоснованные и естественные связи и зависимости между элементами»⁴. В Парламенте Бёрк стабильно выступал за политику *laissez-faire*, настаивая на том, что государство должно держаться в стороне от экономических вопросов, законы торговли – это законы природы, а рабочая сила сама по себе является «предметом торговли». Стоит

¹ О взглядах Бёрка на аристократию см. там же, vol. 1, p. 458; “An Appeal from the New to the Old Whigs”, там же, vol. 4, p. 174–175; “Reflections on the Revolution in France”, там же, vol. 3, p. 297; “Speech on the Second Reading of a Bill for the Repeal of the Marriage Act”, *The Works of Edmund Burke* (London, World’s Classics), vol. 3, p. 385; John MacCunn, “The Political Philosophy of Burke” (London, 1913), p. 157–160, 173 ff., 258–268. О трениях между Бёрком и аристократией, см. John Viscount Morley, “Burke” (London, 1923), p. 198–208.

² L.V. Namier, “England in the Age of the American Revolution” (London, 1930), p. 15, 38, 40: “Торговлю не презирали в Англии восемнадцатого века – напротив, она стала главным делом нации...”. См. также W.E.H. Lecky, “A History of England in the Eighteenth Century” (New York, 1878), vol. 1, p. 433: «Немного было таких периодов в политической истории Англии, когда коммерческая составляющая была так важна в управлении... Больше всего внимания привлекали те вопросы, которые носили преимущественно финансовый либо торговый характер». Также J.L. and Barbara Hammond, “The Rise of Modern Industry” (New York, 1926), p. 64–65: «В Англии восемнадцатого века производство, казалось, было самой важной вещью на свете. Представители всех классов отводили промышленному развитию первостепенное значение среди прочих целей государственной политики...». О зарождении промышленной революции в Англии и престиже торговли и промышленности см. также: W. Cunningham, “The Industrial Revolution” (Cambridge, 1908), p. 494; W.T. Selley, “England in the Eighteenth Century” (London, 1934), p. 218–219; Witt Bowden, “The Rise of the Great Manufacturers in England”, 1760–1790 (Allentown, 1919), в разных местах.

³ Cavendish Debates, vol. 1, p. 476, цит. по Robert H. Murray, “Edmund Burke: A Biography” (Oxford, 1931), p. 192 (курсив добавлен).

⁴ Annual Register, 1776, vol. 19, p. 241.

ли удивляться, что Адам Смит после обсуждения с Бёрком вопросов политической экономии оказался вынужден признать, что Бёрк «был единственным человеком, который, в отсутствие каких бы то ни было контактов между ними, придерживался по этим вопросам ровно такого же мнения, как и он сам»¹? И если при этом назвать Бёрка поборником феодального корпоративного порядка, то кем же тогда оказывается Адам Смит? Очевидный факт состоит в том, что в той мере, в которой Бёрк имел представления о желательной организации общества, он был либералом и вигом, сторонником локковского государственного устройства; в экономических вопросах он был приверженцем свободной торговли, сходясь во взглядах с Адамом Смитом. В нем был минимум или вообще ничего от корпоративного, феодального или же аристократического.

Поскольку Бёрк отдавал предпочтение конституционному балансу и рыночной экономике, он делал это, исходя не столько из их конкретных достоинств, сколько из факта их существования. Монтескьё и Адам Смит развили идеационное обоснование тех институтов, в поддержку которых выступал Бёрк. Вклад самого Бёрка был иного характера. Его интересовала не сущность институтов, а их сохранность. Будучи беспристрастным, он защищал институты вигов в Англии, демократические институты в Америке, автократические институты во Франции, а также индусские институты в Индии. Он обращал внимание на то, что индийские институты, к примеру, должны основываться «на своих собственных принципах, а не на наших», осуждая тех британцев в Индии, которые подрывали «наиболее устоявшиеся правила, самые древние и почитаемые институты всех времён и народов»². «Он менял свою позицию, – согласно классическому определению Морли, – но никогда не изменял своим принципам». После Морли исследователи объединились в том, чтобы оправдать Бёрка от обвинений в непоследовательности. Но если Бёрк был последователен, то как он мог быть аристократом? Если его главной идеей была защита феодального корпоративного порядка в Европе, почему его волновали Америки или Индия? Большинство консерваторов использовали идеи консерватизма, с тем чтобы защищать конкретный устоявшийся порядок. В этом смысле их консерватизм скорее можно назвать инструментальным, нежели самодостаточным (*primery*). Бёрк, между тем, представлял собой архетип консерватизма, поскольку стремился защищать существующие институты где бы то ни было, и каким бы нападкам они ни подвергались.

Сторонники аристократической теории консерватизма утверждают, что современный консерватизм проистекает из реакции на Французскую революцию. Они ошибаются. Можно выделить как минимум четыре основных проявления консерватизма в западной политической истории. Первый – это ответная реакция на события шестнадцатого и семнадцатого веков, когда централизованная национальная власть вступила в борьбу со средневековыми политическими институтами, а Реформация поставила под угрозу устоявшиеся взаимоотношения между государством и церковью. На континенте, например, Фрэнсис Хотман в своем произведении *“Franco-Gallia”* и Хуан де Мариана в произведении *“De Rege et Regis Institutione”* предпринимали попытки консервативной защиты средневекового плюралистического порядка от набирающих силу национальных монархий. Неважно, что Хотман был французом и протестантом, а Мариана испанцем и иезуитом. У них были схожие цели и схожие аргументы. К несчастью для обоих, исторические факты не в полной мере соответствовали их интер-

¹ Robert Bisset, “The Life of Edmund Burke”, 2 vols. 2d ed. (London, 1800), vol. 2, p. 429.

² Цит. по Morley, Burke, p. 190–191, 245, and George H. Sabine, “A History of Political Theory” (New York, 1950, rev. ed), p. 616.

претациям, а большая часть значимых институтов старого порядка в результате усиления монаршей власти уже была подорвана. В результате аргументы монархомахов переключились с консервативной основы на идеационную. Они были переформулированы в терминах скорее принципа, нежели прецедента. Франко-Галлию затмила “Vindiciae”, а на смену Мариане пришел Суарез¹.

С другой стороны, в Англии, существование сильной национальной монархии и национальной церкви допускало существование консервативной защиты этих институтов. Идеи, которые на континенте использовались в целях защиты сословности от королевской власти, в Англии были направлены на защиту королевской власти от политических диссидентов и теологов-радикалов. Политическая мысль апологетов Тюдоров – Тиндейла, Гардинера, Хупера, а также многих других – была полна консервативных призывов к порядку и повиновению². Мятеж и анархия считались худшими из зол, неподчинение рассматривалось как попытка нарушить божественно установленный порядок вещей. Вновь и вновь в тудоровской литературе воспроизводилось предостережение Шекспира: «Забыв почтенье, мы ослабим струны – и сразу дисгармония возникнет...».

К концу шестнадцатого века, по мере того как пуританские нападки набирали силу и становились всё более радикальными – епископат подвергался постоянной критике начиная с 1570 года, – возникла необходимость в более основательной консервативной защите национального гражданского и религиозного порядка. Эта необходимость была удовлетворена Ричардом Хукером в книге «Законы церковного устройства», вышедшей в свет в 1594 году. Этот многотомный труд является выдающимся и красноречивым утверждением консервативной идеологии. В нем, за двести лет до Бёрка, были очерчены все основные направления мысли, изложенные впоследствии Бёрком³. Сущность их консерватизма практически одинакова. Вместе с тем институты, которые они защищали, и вызовы, на которые они отвечали, отличаются. Тюдоровское государственное устройство 1590 года было не похоже на виговское устройство 1790 года. Угроза институтам, современником которых был Хукер, исходила от пуританских сект, выступающих за полное отделение Церкви от государства, примат веры над разумом и авторитет Писания против авторитета Церкви. В глазах пуритан человек был развращенным и злым; их отличали спиритуализм, детерминизм, антиинтеллектуализм, фундаментализм и

¹ Отдельные консервативные элементы сохранялись и в “Vindiciae”, но они отходили на задний план на фоне призыва к социальному контракту и естественному закону. Cf. J.N. Figgis, “From Gerson to Grotius” (Cambridge, 1916), p. 174–179 and Sabine, “A History of Political Theory”, p. 375–377.

² См. Charles Nevinson (ed.), “Latter Writings of Bishop Hooper” (Cambridge, 1852), esp. “Annotations on Romans XIII”, p. 93–116; Pierre Janelle (ed.), “Obedience in Church and State: Three Political Tracts by Stephen Gardiner” (Cambridge, 1930); Henry Walter (ed.), “Doctrinal Treatises by William Tyndale” (Cambridge, 1848), esp. p. 173 ff., 195–197, 240 ff.; Christopher Morris, “Political Thought in England, Tyndale to Hooker” (London, 1953), p. 15, 17, 57, 68–77. Сто лет спустя Брэмхолл в точности воспроизвел те же аргументы в своих дебатах с Гоббсом. См. John Bramhall, “Works” (Oxford, 1844), vol. 3, “A Fair Warning to take Heed of the Scotch Discipline”, and “The Serpent-Salve, or, the Observator’s Grounds Discussed”, esp. p. 236, 241, 272, 298, 309, 318; John Bowle, “Hobbes and His Critics” (New York, 1952), p. 114 ff.; T.S. Eliot, “For Lancelot Andrewes” (Garden City, 1929), p. 27–46.

³ Типичные консервативные суждения, встречающиеся в *Законах церковного устройства*, см.: Pref., i, 2, iii, 7, iv, 4, vi, 5–6; I, v, 1, x, 4; IV, i, e, iv, 2, xii, 2, xiv, 1–2; V, vii, 3, lxxi, 4; VII, i, 1–2; VIII, ii, 2, 17. О консерватизме Хукера в целом см. Sheldon Wolin, “Richard Hooker and English Conservatism”, *Western Political Quarterly*, vol. VI, p. 28–47 (March 1953) О природе пуританского вызова и истоках труда Хукера см.: C.J. Sisson, “The Judicious Marriage of Mr. Hooker and the Birth of the Laws of Ecclesiastical Polity” (Cambridge, 1940), passim, and E.T. Davies, “The Political Ideas of Richard Hooker” (London, 1946), ch. 1, 2.

пессимизм. Вызов институтам Бёрка, в свою очередь, представляли демократические группы, которые утверждали силу разума, безгранично верили в возможности человеческой природы и способность человека к прогрессу. Они являли собой полную противоположность пуританам: материализм, рационализм, антирелигиозность, оптимизм и либертарианизм. И все же, несмотря на эти различия, схожие ситуации, в которых оказались Хукер и Бёрк, привели их к схожим политическим идеям.

Вторым значительным проявлением консерватизма был ответ на Французскую революцию. Этот социальный переворот, идеологии, которые он вывел на авансцену, классы, которые он привел к власти, были, несомненно, величайшей угрозой существующим институтам за всю историю западной цивилизации вплоть до того времени. Соответственно, это способствовало невиданному подъему консервативной мысли в западной истории. Консервативный ответ на Революцию состоял преимущественно, но не исключительно, в защите феодального, аграрного, аристократического порядка от растущего, урбанизированного, просвещенного среднего класса. Однако Революция ставила под угрозу не только феодальные аристократические институты, но и все прочие существующие институты. В Англии Бёрк выстраивал консервативную защиту коммерциализированного общества и умеренных, либеральных порядков. В Америке федералисты – от Джона Адамса до Гамильтона и Фишера Эймса – излагали консервативные идеи, чтобы защитить либеральный порядок от всего, что (как они считали) грозит демократической революцией. На континенте, аналогично, изначальная консервативная реакция исходила не от феодалов-аристократов, а от мыслителей, которые ассоциировались скорее с более либеральными, коммерциализированными, бюрократическими элементами. В Германии, к примеру, Брандес, Рейберг и Мозер, выходцы из городов Северной Германии, где средний класс был наиболее силен, первыми раскритиковали революцию¹. Некоторые из континентальных представителей консерватизма, например, Гентц, в своих экономических воззрениях были либералами. Даже среди сторонников аристократии существовали различия в том, какое общество они защищали: Франция Бональда и де Местра, Пруссия фон дер Марвитца и Халлера, Австрия Гентца, Меттерниха и Мюллера имели различное социальное устройство. Тем не менее общие линии консерватизма пронизывали политические идеи мыслителей Реакции вне зависимости от того конкретного социального порядка, который они желали сохранить.

Консерватизм феодально-аристократических мыслителей времен Реакции был скорее продуктом их временной оборонительной позиции, нежели неизменной и неотъемлемой природы их классовых интересов. Фундаментальный характер этих интересов остался неизменным и в 1789 году. Хотя до этого времени представители аристократии и не произвели серьезного вклада в консервативное мышление. У них не было в этом необходимости. С другой стороны, после того как аристократы были отстранены от власти, они перестали быть консерваторами, не отказываясь от своих аристократических идеалов. В частности, во Франции, аристократическая мысль, некогда консервативная, стремительно превратилась в реакционную и, в конце концов, стала радикальной. Де Местр превозносил порядок и стабильность. Во времена буржуазной демократии Третьей республики в *“L’Action Francaise”*

¹ См. Reinhold Aris, “History of Political Thought in Germany” (London, 1936), p. 54–58, 256. Брандес и Рейберг создали свои консервативные труды еще до ознакомления с Бёрком. Мозер был ближе к феодализму, но даже он, как отмечает Мангейм, “Conservative Thought”, p. 144–145, действовал больше не в интересах дворянства, а был прежде всего озабочен сохранением средневековой общественной системы как таковой.

проповедовались насилие и «государственный переворот». Теперь правые оказались революционерами¹.

Третье проявление консерватизма состояло в ответе правящих классов на распространенные в середине девятнадцатого века требования низшего класса права на участие в общественном управлении. Единственным наиважнейшим символом этого вызова было требование расширения избирательных прав. Между тем этот вызов подразумевал лишь частичное отклонение от общепринятых ценностей, а потому за ним последовал довольно слабый консервативный ответ. Во Франции, в частности, где представители среднего класса были вынуждены действовать сразу в двух направлениях, типичные выразители их позиции – Руайе-Коллар и Гизо, например, – излагали либеральные идеи в пику аристократам и консервативные идеи в пику массам. В Германии, где не было крупных потрясений, подрывающих общественное устройство, Шталь, Ранке, Савиньи и Людвиг фон Герлах сформулировали консерватизм в более широком смысле, делая упор на органический рост общества. В Англии Кольридж, а затем Ньюман, Мейн и Леки предостерегали от опасности замены народовластия на классовое правление. В Соединенных Штатах неофедералисты, в частности, Стори, Чот (Choate), Кент защищали с консервативных позиций узкогрупповые интересы правящего класса, пока их не одолел подъем джексонианства².

Четвертое проявление консерватизма состояло в подъеме политической мысли на юге США, обусловленном вызовами индустриализма, свободного труда и аболиционизма в середине девятнадцатого века. До 1830 года политическая мысль на Юге формировалась преимущественно как продолжение джефферсоновского идейного комплекса³. После 1830-го политические воззрения на Юге всё в большей степени приобретали консервативный характер как следствие получавших все большее распространение теорий аболиционизма и роста промышленности и населения на Севере. Уильям Ллойд Гаррисон – воплощение радикального реформатора – основал газету *“The Liberator”* в 1831 году, и в том же году Нет Тёрнер возглавил восстание рабов. Комбинация сил, которые символизировали эти события, подтолкнула Юг к оборонительной позиции и привела к отрицанию джефферсоновского наследия и развитию консервативной апологии в терминах Бёрка. Возможность быть одновременно последователем Джефферсона и рабовладельцем существовала до тех пор, пока никто не столкнулся с Декларацией независимости с фактом рабства. Когда же это случилось, рабовладелец был вынужден отказаться либо от своего либерализма, либо от средств к существованию. Идеационная философия неизбежно была принесена в жертву и заменена на полноценный консерватизм⁴. Аналогично тому, как усиление пуританского радикализма против тюдоровского порядка породило Хукера, нарастающая волна аболиционистской реформы в итоге породила Кэлхуна и Фитцью. В их трудах, как и в трудах других представителей «реакционного просвещения» – Холмса, Хэммонда, Хьюза и Харпера, в частности, – «в точности воспроизводились все главные аргументы европей-

¹ Joseph C. Murray, “The Political Thought of Joseph de Maistre”, *Review of Politics*, vol. 11, p. 86 (January, 1949); Charles A. Micaud, “The French Right and Nazi Germany, 1933–1939” (Durham, 1943), p. 1–15.

² Имеется в виду седьмой президент США Эндрю Джексон (1829–1837), избранный при поддержке тогдашней Демократической партии, боровшейся за большее равенство среди белых и против господства финансовой олигархии. – *Примеч. перев.*

³ Имеется в виду один из отцов-основателей США, автор Декларации независимости, третий президент США (1801–1809) Томас Джефферсон.

⁴ О смене южного мышления в 1830 году см. William E. Dodd, “The Cotton Kingdom” (New Haven, 1921), p. 48 ff., и Arthur Y. Lloyd, “The Slavery Controversy” (Chapel Hill, 1939), p. 119 ff.

ской феодальной реакции»¹. Все основные идеи Бёрка были воспроизведены в трактатах и памфлетах, с которыми они выступали на защиту установившегося социального порядка от угрозы, которая была вполне конкретной, мощной и в конце концов победившей.

Луис Харц высказал предположение, что южный консерватизм был «подделкой»². Отталкиваясь от аристократической концепции консерватизма, Харц утверждал, что существовало внутреннее противоречие между попытками южан использовать идеи Бёрка в защиту рабовладения, с одной стороны, и политической традицией, которая содержала в себе много либеральных элементов – с другой. Несмотря на существование определенной несогласованности в системе южан в том, как они применяли идеи Бёрка для защиты своей системы, никакой непоследовательности не было. Консервативная философия вполне подходила для защиты джефферсоновских институтов, «специфического института» рабовладения, либо их сочетания в любых комбинациях. Объединять идеи Бёрка и рабовладение было со стороны Кэлхуна не большей подделкой, чем объединение идей Бёрка с политикой *laissez faire* самим Бёрком. И тот факт, что консервативной мысли на Юге был положен конец вместе с Гражданской войной, не является подтверждением идеи о том, что южане были «поддельными бёркианцами, полубёркианцами». Когда южная социально-политическая система была разрушена, теория, разработанная в целях защиты этой системы, неизбежно должна была умереть вместе с ней. Сам Харц описывал южный консерватизм как «один из наиболее великих и творческих эпизодов в истории американской мысли». Возможно ли это, если бы он был не более чем «подделкой», неестественным заимствованием, не имевшим связей с американской ситуацией? Нельзя ли избежать этой проблемы путем более простого объяснения южного консерватизма? Опыт южан – яркий пример общества на переходном этапе от либеральной идеационной теории к бескомпромиссному консерватизму в результате появления существенной угрозы для существования этого общества. Принимая во внимание изменения в положении южан, изменения в их мышлении были столь же необходимыми, сколь и естественными.

Основной недостаток аристократической теории консерватизма состоит в том, что консерватизм в ней рассматривается как внутренне укорененная, а не позиционная идеология. Внутренне укорененная идеология представляет собой теоретическое выражение интересов неизменной социальной группы. Она проистекает из основополагающих, общих характеристик, которые делают эту группу группой. Соответственно, внутренне укорененная идеология развивается и изменяется по мере того как интересы и потребности этой группы меняются, но в то же время, она служит сохранению ключевых характеристик, отражая непрерывную и присущую группе идентичность. Оставаясь верным своей сущности как идеология буржуазного среднего класса, либерализм одного поколения отличался от либерализма предыдущего поколения, хотя и возрастал на его почве. Внутренне укорененная идеология может быть интерпретирована по-разному и представлена конфликтующими школами, существующими в одно и то же время. Американский либерализм делился на виговскую версию «прав собственности», с одной стороны, и на народную версию «прав человека», с другой стороны. Тем не менее и американские виги, и американские демократы разделяли ключевые идеи Локка. Марксизм также существовал в виде многочисленных вариаций и в процессе развития прошел несколько этапов, каждый из которых при этом сохранял одни и те же базовые принципы, отличающие марксизм как теорию. Таким образом, вполне возможно соотнести

¹ Louis Hartz, "The Liberal Tradition in America" (New York, 1955), p. 146.

² Там же, с. 147 и далее.

различные вариации внутренне укорененной теории друг с другом, проследить повторяющиеся образцы развития и воздействия, выделить расколы и разделения внутри общей интеллектуальной традиции. Говоря кратко, суть внутренне укорененной теории развивается и обогащается, а возможные проявления этой теории взаимосвязаны и взаимозависимы. Теория и различные ее толкователи образуют в совокупности *школу мысли*.

Позиционные идеологии носят совсем иной характер. Они не отражают постоянные интересы и потребности конкретной социальной группы. Скорее они находятся в зависимости от отношений, существующих между группами. Группа может поддерживать одну позиционную идеологию, когда ее отношения с другими группами принимают одну форму, и другую позиционную идеологию, когда эти отношения изменяются. Позиционные идеологии отражают изменения внешней среды вокруг группы, а не какие-то неизменные внутренние характеристики самой группы. Внутренне укорененные идеологии выступают в качестве функций групп, вне зависимости от того, какие позиции эти группы занимают; позиционные идеологии – это функции ситуаций, вне зависимости от того, какие группы вовлечены в эти ситуации¹. В случае позиционных идеологий нужно задавать не вопрос «кто», а вопрос «где». Так, теория «прав штатов» в Соединенных Штатах была преимущественно позиционной идеологией, которую различные сменяющие друг друга группы поддерживали всякий раз, когда их власть по отношению к конкурирующим группам в центральном правительстве была меньше, чем их власть внутри штатов.

Если ситуационное определение консерватизма верно, консерватизм представляет собой позиционную идеологию. Консерватизм развивается для того, чтобы удовлетворить специфические исторические потребности. Когда такая потребность исчезает, консервативная философия уходит в тень. В каждом случае проявление консерватизма становится ответом на особую социальную ситуацию. Обнаружение консерватизма в определенное время и в определенном месте зачастую не имеет ничего общего с появлением консерватизма в любое другое время и в любом другом месте. Консерватизм, таким образом, не отражает неизменных интересов какой-либо группы. Зависит от существования конкретных отношений между группами, а не от существования групп самих по себе, он живет столько, сколько длятся эти отношения, а не столько, сколько существуют эти группы. А отношения всегда преходящи, немногие сохраняются на срок более одного поколения. Соответственно, консервативная идеология не развивается и не передается, будучи измененной, доработанной и пересмотренной от одной эпохи к другой. Также она не обладает набором базовых трудов, которые группы последователей могли бы комментировать, интерпретировать и вступать в споры между собой. Проявления консерватизма представляют собой не более чем параллельные идеологические ответы на схожие социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу своему статично. Консервативная мысль – это повторение, а не эволюция. Ее проявления исторически изолированы и дискретны. Таким образом, хотя это и может показаться парадоксальным, консерватизм, поборник традиции, сам по себе традиции не имеет; консерватизм, апеллирующий к истории, своей истории не имеет.

Статичный и повторяющийся характер консервативного мышления нашел свое отражение в том, насколько консерватизм поддается рубрикации. В большей мере, чем любая другая политическая идеология, консерватизм может

¹ Важное значение позиционных идеологий оставалось неочевидным в связи с утверждением, проистекающим из мангеймовской социологии знания, состоящим в том, что каждая идеология имеет своего «носителя» в виде особой социальной группы либо класса. Аргумент здесь в том, что идеологии тоже могут иметь «носителя» в виде воспроизводящихся образцов взаимоотношений между группами.

быть сведен к краткому списку принципов или концептов, которые составляют консервативный катехизис, разделяемый всеми консервативными мыслителями. И сторонники, и критики консерватизма сходятся в том, что сущность консерватизма можно уложить в небольшое число основных идей. Число этих идей может варьироваться при различных формулировках, но само их содержание остается преимущественно неизменным. Хиршноу, к примеру, перечисляет «двенадцать признаков консерватизма», Кёрк – «шесть канонов», а Росситер – «двадцать один пункт» консервативной традиции»¹.

Отчасти эти краткие и схожие списки консервативных идей попросту отражают общий консенсус относительно существования консерватизма как идеологии. Но помимо этого они отражают статичность и ограниченный характер этой идеологии. Прочие идеологии обладают базовыми принципами, которые воспроизводятся в различных их проявлениях. Но эти идеи служат отправной точкой, а не суммой и содержанием данной идеологии. Либерализму присущ индивидуализм, но индивидуализм Локка значительно отличается от индивидуализма Бентама. Для марксизма классовый конфликт основополагающ, но классовая борьба у Каутского непохожа на классовую борьбу у Ленина. Консерваторы, меж тем, не подразделяются на отдельные школы, также они, в отличие от либералов и марксистов, не вступают в ожесточенные споры относительно смысла их веры. Отдельные консервативные мыслители, конечно, могут формулировать свои идеи несколько иначе, могут модифицировать их в свете собственных идеационных наклонностей. Но в целом они лишь воспроизводят их катехизис, и как только катехизис озвучен, они сказали уже всё, что можно было сказать о содержании консервативной мысли. История либеральной или марксистской мысли обнаруживает видоизменения идеологии в разные времена и в различных обстоятельствах. История консервативных мыслителей, таких как Кёрк с его «Консервативным разумом», необходимо подразумевает повторение вновь и вновь одних и тех же идей.

Этот особый характер консервативной мысли объясняет часто упоминаемый аспект консерватизма, отмеченный в следующей цитате Мангейма: «Карьерные пути большинства консерваторов и реакционеров позволяют обнаружить революционные периоды в их молодости»². Многие консерваторы начала девятнадцатого века – Гёррес, Гентц, Мюллер в Германии; Коулридж, Вордсворт, Саути в Англии – изначально с энтузиазмом отнеслись к Французской революции. Федералисты начинали как успешные революционеры, а главный консерватор Америки, Джон К. Кэлхун, начинал свою карьеру как пламенный джефферсоновский националист. Отчего существует такой паттерн? Не оттого ли просто, что консерватизм не является неизменным идеологическим выражением интересов какой-либо социальной группы? Никто не рожден для консерватизма, подобно тому как Милль рожден для утилитаризма. Импульс для консерватизма исходит главным образом от некоего социального вызова, а не от интеллектуальной традиции, предшествующей теоретику. Люди обращаются к консерватизму, испытав потрясение в связи с определенными событиями, из-за ужасающего ощущения того, что общество либо институты, которые они одобряли и воспринимали как данность и с которыми они были тесно связаны,

¹ F.J.C. Hearnshaw, "Conservatism in England" (London, 1933), p. 22 ff.; Kirk, *Conservative Mind*, p. 7–8; Rossiter, "Conservatism in America", p. 61–62; Mannheim, "Conservative Thought", p. 114; Lord Hugh Cecil, "Conservatism" (London, 1937), p. 48; William O. Shanahan, "The Social Outlook of Prussian Conservatism", *Review of Politics*, vol. 15, p. 222–225 (April 1953); R.J. White (ed.), "The Conservative Tradition" (London, 1950), p. 1–10.

² "Conservative Thought", p. 120.

внезапно могут исчезнуть. Консервативные мыслители одной эпохи, следовательно, имеют минимальное влияние на мыслителей эпохи последующей. Есть лишь немного примеров второго поколения консерваторов. Хукер, к примеру, предвосхитил Бёрка во всех ключевых моментах консервативной философии; но бёрковский консерватизм возник не из изучения Хукера, а под влиянием окружавших его событий. Аналогично, во Франции «у Местра никогда не было, так сказать, школы». В Соединенных Штатах Фитцхью, апологет Юга, едва ли черпал вдохновение из работ предшественников-консерваторов¹. Более того, каждое индивидуальное заявление консервативной позиции само по себе чаще возникает в связи с определенным интеллектуальным вызовом. Кристофер Моррис описывает «Законы церковного устройства» как «книгу по случаю». Аналогичной фразой можно охарактеризовать «*Основы искусства управления государством*», «*Размышления о революции во Франции*» и «*Рассуждения о правительстве*»².

IV. Востребованность консерватизма

Какую роль играет консервативная идеология в современной Америке в свете вышеприведенного анализа? Действительно ли Новый консерватизм по-настоящему консервативен? Существует ли возможность более глубокого и масштабного представления консервативных идей?

В своей большей части Новый консерватизм как консервативное движение отмечен тремя недостатками. Во-первых, многие новые консерваторы не определились с тем, что они желают защищать. Некоторые просто продолжают по-старому идентифицировать консерватизм с предпринимательским либерализмом. Другие являются аристократическими радикалами, чувствующими отчужденность и отвращение по отношению к американскому обществу в том виде, в котором оно существует сегодня. Желая импортировать европейскую аристократию в буржуазную Америку, они мечтают об эпохе с меньшим количеством демократии, равенства, промышленности, когда элиты правили, а массы знали свое место. Их отрицание существующей в Америке политической и социальной системы закрывает для них возможность быть по-настоящему консервативными. К примеру, взгляд Рассела Кёрка на современную Америку вряд ли бы мог быть более нелестным: «близкая к самоубийству», «дешевая»,

¹ Murray, "Review of Politics", vol. 11, p. 86; Arnaud B. Leavelle and Thomas I. Cook, "George Fitzhugh and the Theory of American Conservatism", *Journal of Politics*, vol. 7, p. 146–147 (May 1945).

² Отсутствие как интеллектуальной традиции, так и основных идеалов объясняет другой примечательный аспект консерватизма: степень, в которой его игнорируют политологи, пишущие о политической теории. В учебниках по политической теории консерватизм если и появляется, то крайне редко, и когда о нем пишут, то делают это в весьма скудной форме. Аналогично не существует достойной истории консервативной мысли. Причина этого кроется частично в самой природе консерватизма и частично – в образовании политологов. Последних учат анализировать исторические школы мысли, с тем чтобы проследить развитие идей, выявить влияние одного мыслителя на другого, отыскать идеологические расколы и доктринальные расхождения внутри той или иной школы мысли. Также их учат анализировать основные идеалы, которые лежат в сердце идеологий, в терминах их внутренней логики и единства, теории человека и общества, которые они отражают, а также группы интересов, которые они обосновывают и выражают. В отсутствие интеллектуальной традиции и сущностного идеала консерватизм не может стать объектом для плодотворного анализа по такой схеме. Не зная, какие вопросы о консерватизме стоит задавать, как оценивать его значимость, политологи были склонны игнорировать его.

«материалистическая», «бесплодная», «однообразная»¹. Разве это язык консерватора? Или же это язык злобного ненавистника существующего общества? Вместо энергичной защиты американской конституционной демократии книги Кёрка наполнены натужным, сентиментальным, ностальгическим, антикварным стремлением к обществу, которое осталось в прошлом. Он и его единомышленники не вписываются в рамки современной Америки.

Во-вторых, многие Новые консерваторы удивительным образом не определились с природой и источником угрозы тому, что они желают сохранить. Исторически консерватизм всегда был ответом на прямой и непосредственный вызов. Консерваторы обычно не сомневались по поводу того, кем являются их оппоненты. Однако у Новых консерваторов враг выглядит нечетким и расфокусированным. Для кого-то из них противник – это либерализм, хотя не существует согласия по поводу значения данного термина. Другие видят врага в модернизме, тоталитаризме, популизме, секуляризме или материализме. Для одних Новых консерваторов противником выступает иррационализм, а для других – рационализм. Эта путаница, конечно, всего лишь отражает тот факт, что экономическое процветание и политический консенсус американского общества делают любой консерватизм, направленный против внутренних врагов, до абсурда ненужным. Хукер, Бёрк и Кэлхун участвовали в настоящих политических сражениях против реальных политических противников. Недостаток реальных социально-политических вызовов Новые консерваторы восполняют за счет конструирования вымышленных угроз из абстрактных «измов».

Третий изъян Нового консерватизма заключается в попытке открыть консервативную интеллектуальную традицию Америки. Очевидно, желая предстать в качестве интеллектуального движения, Новые консерваторы копаются в американском прошлом, воскрешая фигуры давно забытых политиков и интеллектуалов. Немногие предприятия могут быть более бесполезными или неуместными. Например, в работе «Консервативный разум» Расселл Кёрк определяет консерватора как того, кто поддерживает существующие институты. Несмотря на это в своих попытках найти в Америке консервативную традицию Кёрк причисляет к консерваторам Джеймса Расселла Лоуэлла, который был «испуган» тем, что видел вокруг себя; Брукса Адамса, которому «американское общество внушало отвращение»; Генри Адамса, ставшего классическим символом фрустрированной отчужденности²; Ирвинга Баббитта, сбежавшего от Америки в буддизм; и Джорджа Сантаяну, который покинул Америку ради своего уединения в Риме. Все эти люди были недовольными, и во многих отношениях они были более фундаментально недовольны чем Дебс, Генри Джордж, де Леон и Лафоллетт, которых Кёрк скорее всего никогда не стал бы причислять к консерваторам. Поиск Новыми консерваторами своих предшественников отражает только их неуверенность в собственной цели, играемой ими роли и идентичности. Они стремятся сохранить несуществующую интеллектуальную традицию вместо институтов, которые существуют. Если бы они были настоящими консерваторами, непосредственно вовлеченными в защиту институтов общества от реально нависшей угрозы, они бы так сильно не интересовались поиском консервативной родословной.

¹ «Консервативный разум», с. 10, 428, и «Программа для консерваторов» целиком. Важно различать между такими, как Кёрк, критикующими институты и теорию современной либеральной демократии, и такими, как Рейнольд Нибур, критикующими только теорию либерализма и в то же время восхваляющими непреходящую мудрость его институтов.

² См. переосмысление его творчества в работе Генри С. Кэриэла "The Limits of Social Science: Henry Adams' Quest for Order", в Review, vol. 50, p. 1074 (December 1956).

Однако сомнительные стороны Нового консерватизма не исчерпывают возможностей консерватизма в современной Америке. Некоторые Новые консерваторы признают сущностно ситуационный характер консервативной идеологии. Они осознают бесплодность консервативной защиты одной части американского общества против другой. Сегодня единственной угрозой, достаточно масштабной и глубокой чтобы вызвать консервативный ответ, является вызов коммунизма и Советского Союза, бросаемый всему американскому обществу. В этом смысле, как отметил Макс Беллофф, существует определенная параллель между позицией Юга в 1850-х годах и положением США в 1950-х годах: обоим обществам был брошен вызов со стороны расширяющегося внешнего порядка¹. Подобно тому как Юг породил консервативную защиту в лице Фицхью и Кэлхуна, можно ожидать, что Америка тоже будет иметь своих консервативных апологетов. Недавние весьма основательные труды Нибура, написанные в консервативном ключе, являлись во многих отношениях прямым ответом на вызов зарубежного тоталитаризма. Как острову изобилия и свободы в стесненном мире Америке есть что защищать.

Как бы там ни было, американские институты являются либеральными, народными и демократическими. Лучше всего их могут защищать те, кто верит в либерализм, народный контроль и демократическое правительство. Подобно тому как аристократы были консерваторами в Пруссии в 1820 году, а рабовладельцы – на Юге в 1850 году, так и либералы должны быть консерваторами в сегодняшней Америке. Исторически американские либералы являлись идеалистами, стремившимися к большей свободе, большему социальному равенству и более полноценной демократии. Отчетливое выражение либеральной идеологии было необходимо для того, чтобы обращать других к либеральным идеям и непрестанно реформировать существующие институты в соответствии с либеральными образцами. Однако сегодня главная потребность заключается не столько в создании более либеральных институтов, сколько в успешной защите уже существующих. Эта защита требует от американских либералов отложить их либеральную идеологию и принять ценности консерватизма на то время, пока сохраняется угроза. Только отказавшись от своих либеральных идей в настоящем, либералы смогут успешно защитить их либеральные институты в будущем. Либералы не должны бояться этой перемены. Является ли либерал менее либеральным по причине того, что подстраивает свое мышление под задачи более эффективной защиты наиболее либеральных институтов в мире? Продолжать излагать философию либерализма означает просто давать врагу оружие для атаки на либеральное общество². Защита американских институтов требует сознательного, ясно сформулированного консерватизма, который может исходить только от либералов, глубоко озабоченных сохранением своих институтов. Как указывали Бурстин, Нибур и другие, американский политический гений проявляет себя не в наших идеях, а в наших институтах. Стимулом консерватизма являются не устаревшие убеждения третьесортных мыслителей, а успешная работа первосортных институтов. Текущий конфликт, а не древняя догма породит по-настоящему консервативный Новый консерватизм.

¹ "Foreign Policy and the Democratic Process" (Балтимор, 1955), p. 5–7.

² Хорошим примером является широко распространенный опыт тех американцев в Европе, которые превозносят США как землю свободы, равенства и демократии, а в ответ получают вопрос: «А как насчет негров на Юге?». Отвечая, американцы всегда подчеркивают размеры имеющихся социальных проблем, необходимость постепенности, невозможность одномоментного изменения привычек с помощью законодательного акта, а также напряженность, вызванную слишком быстрыми социальными переменами. То есть они отказываются от либерального языка равенства и свободы в пользу изначально консервативных концептов и аргументов.

Консерватизм вопреки аристократической интерпретации не является исторической монополией одного определенного класса. Не является он вопреки заявлениям автономистской школы и применимым для любого времени и места. Наоборот, консерватизм уместен лишь в определенном типе исторической ситуации. Такова ситуация, в которой сегодня находится американский либерализм. До тех пор, пока вызов со стороны коммунизма и Советского Союза не будет уничтожен или нейтрализован, основной задачей американских либералов является сохранение того, что они создали. Это хотя и ограниченная, но необходимая цель. Консерватизм не задает последних вопросов и, следовательно, не дает окончательных ответов. Вместо этого он напоминает людям об институциональных предпосылках социального порядка. И когда эти предпосылки находятся под угрозой, консерватизм не только оправдан, но и соответствует сущностному запросу. В деле сохранения достижений американского либерализма либералам Америки не к чему обратиться за помощью кроме как к консерватизму. В современной Америке консерватизм востребован именно для них.

*Перевод А.А. Закутина
под редакцией Л.В. Полякова*